

ЖИЗНЬ
УССТВЕ

ПЕРВЫЙ ШАГ К «ГАМЛЕТУ»

Многие из тех, кто встречался с Александром Иовлевым случайно, не наблюдая его в работе, убеждены, что для должности главного режиссера он слишком деликатен, раним. Не с его характером... Но это не так. Характер у Александра Вениаминовича совсем не мягкий. Я бы даже сказала, жесткий. Он знает, ради чего работает в театре, и каким должен быть этот театр, и потому отсеивает, отсеивает все то необязательное, что есть в каждом театре и в Куйбышевском тюзте тоже.

Год назад он окончил режиссерский факультет Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. И сразу в театр. Не очередным — главным.

Первый год был особенно трудным. Работать пришлось без директора. Отношения с очередным режиссером не сложились. Хорошо, что из Ленинграда приехал выпускник театрального института Рихо Лехеспалу. Поставил дипломный спектакль, сделал несколько вводов. Иовлев надеялся, что Рихо останется в Куйбышевском тюзте — так легко и радостно работало с единомышленником! Но молодого режиссера пригласили в Таллин, в Театр русской драмы, и Рихо предпочел родной город. После летних гастролей в Одессе восемь актеров, и среди них ведущие, ушли из театра.

Обо всех этих сложностях я узнала не от главного режиссера. Мне показало, что Александр Вениаминович вообще избегает разговоров о внутренней жизни театра. О репертуаре, работе с актерами, о планах — пожалуйста.

Есть у главного режиссера любимая тема — зрители. О них он способен говорить бесконечно.

Больше других возрастных групп беспокоят его подростки. Как неохотно, словно отбывая наказание, приходят они в театр! Как развязно ведут себя во время спектакля! Только нашелся бы повод, и по залу прокатывается смех. Приходилось, и не раз, выводить ребят из зала, разговаривать с директорами школ, вызывать в театр родителей. «Да, сын и дома грубит, слова не скажи — высмеет... Что ж, придет в театр не пускать».

Но разве в этом спасение — не пускать в театр? А если наоборот — воспитать потребность в театре? Нет, не сразу, не в один год. И режиссер остановил выбор на пьесе Вик-

тора Розова «В дороге». Разве не был главный герой похож на подростков, которые, как и Володя, больше всего боялись прослыть «обыкновенными». Не потому ли они грубили, проповедовали высокопарную глупость, до хрипоты отстаивали то, что где-то прочли, случайно услышали? Лишь бы не как все, лишь бы обратить на себя внимание!

Спектакль «В дороге» стал режиссерским дебютом Иовлева в Куйбышевском тюзте и на сегодня — самой значительной победой начинающего режиссера.

«Дорога» для главного героя — это не километры, которые остаются позади, а тот отрезок жизни, который помогает ему понять самого себя и тех, кто живет рядом.

Спектакль смотрят те, кому сегодня 15, 16, 17. И смотрят совсем иначе, чем обычно. На тех, кто хихикает, сердито оборачиваются; тех, кто захочет комментировать вслух, резко обрывают. После спектакля ребята охотно остаются на обсуждение. И каждый раз Г. Богданову — единственному исполнителю главной роли Володи, задается один и тот же вопрос: «Скажите, а сами вы были похожи на Володю? А как же потом...»

...В тот вечер шел дождь. Он шел, не переставая, уже третий день — холодный и мелкий.

— Знаете, я ведь дождливую погоду особенно люблю, — признался Иовлев. — Может быть, потому, что в такие дни Куйбышев напоминает Ленинград? Особенно небережная...

— Скучаете?

— Да как сказать...

— Ну, а если предложили бы работу в Ленинграде? Пусть не главным, очередным. Вернетесь?

— Нет, не вернусь. Понимаете... Это все равно, если бы я сейчас взялся ставить Шекспира. Представляете — первый год работаю в театре — и вдруг «Гамлет». Нет, к «Гамлету» надо готовиться. Долго, может быть, всю жизнь. Иначе несерьезно. — И добавил уже совсем тихо, скорее для себя: «А я к театру отношусь серьезно. И все-таки режиссер решил на постановку классики. Это был «Дубровский» Пушкина — драматическая легенда в двух действиях, как определили жанр автор инсценировки В. Молько и режиссер.

«Дубровский» выстрадан режиссером, но, к сожалению, выстрадан в одиночку, а не

вместе с актерами. Радуюсь безупречному вкусу режиссера, редкому чувству формы, стилистики, все же возникает тревога за актеров. Чувствуется их неловкость, незащищенность, словно они не знают, зачем они здесь. Я смотрю спектакль и постоянно отмечаю, как за песнями, колокольным звоном, лаем собак ускользает главное — отношения героев.

Почему же не слились воедино в «Дубровском» режиссер-постановщик и режиссер-педагог? Конечно, можно придраться к актерам, мол, не хватило мастерства, не было навыков работы в непривычном жанре. Но мы говорим сегодня о режиссере, режиссере одаренном, перспективном, и хочется, чтобы он работал с актерами так же страстно и придирчиво, как работает сегодня с автором, художником, композитором.

А. Иовлев еще раз вернулся к классике. Сразу после премьеры «Дубровского» начались репетиции «Тщетной предосторожности» Пьера Бомарше.

И вот — спектакль, который доставляет исполнителям (а потому и зрителям тоже) истинное наслаждение. Не потому ли, что на этот раз актеры — хозяева сцены: знают, как они относятся друг к другу, чего хотят добиться и как быстро все это нужно сделать.

После спектакля мы долго разговариваем. Я убеждаюсь, что Иовлев больше всего любит говорить о будущем, не любит оглядываться назад. Рассказывает о новой повести В. Тендрякова — вот бы поставить! Снова затеять серьезный разговор с подростками. До чего же хочется найти общий язык с этим народом, чтобы очереди за билетами, споры после спектакля. И еще одно мучает сегодня — каким будет спектакль к 30-летию Победы над фашистской Германией? Столько перечитано, передумано... Есть интересные пьесы. И все-таки остановились на документальной повести разведчицы Евдокии Мухиной. Есть в этой повести какая-то пронзительная откровенность и простота. Если бы удалось сохранить эту интонацию в спектакле!

Мне нравится, как мечтает о будущем Куйбышевского тюза его главный режиссер, и возникает уверенность, что у театра надежное и доброе завтра.

А. ЗЕМНОВА.
КУЙБЫШЕВ.